

«Китай и мир на пороге 2025 года: вызовы и возможности»

Для цитирования: Круглый стол «Китай и мир на пороге 2025 года: вызовы и возможности» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 1. С. 100—124. DOI: 10.48647/ICCA.2025.16.12.001.

ROUND TABLE

“China and the world on the threshold of 2025: challenges and opportunities”

For citation: China and the world on the threshold of 2025: challenges and opportunities. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 1, pp. 100—124. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.16.12.001.

Совет молодых ученых Института Китая и современной Азии РАН 29 января 2025 г. провел круглый стол на тему: «Китай и мир на пороге 2025 года: вызовы и возможности». В круглом столе приняли участие:

А.Ч. Мокрецкий, с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

А.В. Волошина, н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН;

И.С. Виноградов, к.и.н., с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

Е.С. Бурова, с.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;

С.И. Болонова, м.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН;

Е.А. Козлова, старший лаборант-исследователь Центра центральноазиатских исследований ИКСА РАН;

Е.С. Меньшикова, аспирант ИСАА МГУ;

Т.М. Мамахатов, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

А.Г. Зуева, м.н.с. Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;

А.А. Ковалева, аспирант ИСАА МГУ;

В.И. Жириков, аспирант ИСАА МГУ;

Дун Чжэнь, аспирант ИСАА МГУ;

Ван Ичунь, аспирант МГУ-ППИ (г. Шэньчжэнь).

Политика и вопросы безопасности в глобальном и региональном измерениях

А.Ч. Мокрецкий. Наступил 2025 г., прошла четверть XXI в., которую можно охарактеризовать как время фундаментальных вызовов и невероятных возможностей. В России в 1930-е гг. великий русский философ и мыслитель И.А. Ильин писал, что «современный мир переживает глубокий кризис — религиозный, духовный и национальный». В Китае говорят о том же: человечество переживает **«столетние изменения»**. «Мы живем в усложняющемся и хаотичном мире» (一个变乱交织的世界) или «в период самых больших потрясений и максимальной незащищенности за 30 с небольшим лет после окончания Холодной войны» (термин 动荡不安).

В КНР 27—28 декабря 2023 г. состоялось **центральное рабочее совещание по иностранным делам**. На нем были подведены итоги 10-летней деятельности китайской самобытной дипломатии великой державы в новую эпоху, а также обозначены цели и задачи на следующие годы, образно названные **«новым походом»**. Китайская дипломатия вступает в новый этап, когда можно действовать еще более активно (一个可以更有作为的新阶段). Для этого необходимо решительно защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития; формировать новую структуру отношений между Китаем и миром; создавать еще более благоприятные условия и твердый стратегический стержень для всестороннего строительства сильного государства с китайским типом модернизации и национального возрождения и т. д.

В ходе совещания обсуждались вопросы **мировой многополярности и экономической глобализации**. За 2024 г. на различных научных площадках китайские эксперты обогатили два термина устойчивыми и красочными определениями: равноправная и упорядоченная мировая многополяризация (平等有序的世界多极化) и всеобъемлющая и инклюзивная экономическая глобализация (普惠包容的经济全球化). **Формирование сообщества единой судьбы человечества** называется «ядерной» идеей доктрины Си Цзиньпина о дипломатии, а также подчеркивается тезис о связи «нового похода» китайской дипломатии с **китайским типом модернизации**.

Несколько слов скажем о том, как китайские СМИ и аналитические центры оценили 2024 г. и что ожидают в 2025 г. Агентство Синьхуа и Центральное радио и телевидение Китая (CMG) перечислили 10 ключевых событий 2024 г., в том числе «дипломатию главы государства»; изменение политической ситуации в некоторых странах Европы; развитие искусственного интеллекта; сотрудничество в рамках «Большого БРИКС» и ускоренный рост стран Глобального Юга; украинский кризис и противостояние России и Запада; вооруженный мятеж и свержение власти Б. Асада в Сирии; израильско-палестинский конфликт и рост эскалации на Ближнем Востоке; президентские выборы в США и риск столкновения «двух Америк»; триумфальное участие китайских спортсменов на Парижской Олимпиаде и др.

В начале 2025 г. вышел обзорный научный прогноз в виде «Синей книги по рискам в области безопасности для Китая за рубежом», сделанный экспертами

Народного университета КНР, Институтом исследования проблем безопасности Китая за рубежом и консалтинговой фирмой Чжунхайань (расположенной в Пекине).

В заключение затронем лишь три «фундаментальных» выступления МИД КНР Ван И на «домашних» и международных форумах: в период «двух сессий» (7 марта 2024 г.), на форуме будущего в рамках ГА ООН (23 сентября 2024 г.) и конференции «Международная обстановка в 2024 г. и китайская дипломатия», организованной Китайской академией международных проблем (17 декабря 2024 г.).

На очередной полуторачасовой встрече с отечественными и зарубежными журналистами на полях «двух сессий» Ван И ответил на 21 вопрос глобальной и региональной повестки, резюмируя итоги деятельности китайской дипломатии в 2023 г. и озвучивая перспективы 2024 г.

На форуме будущего в рамках ГА ООН Китай объявил, что в целях создания «прекрасного сада» на планете Земля председатель КНР Си Цзиньпин последовательно выдвинул строительство сообщества единой судьбы человечества, высококачественное развитие «Одного пояса, одного пути», три глобальные инициативы (развития, безопасности и цивилизации). Ван И подчеркнул, что *современный Китай решительно идет путем китайской модернизации и всесторонне продвигает великое дело строительства могущественного государства и возрождения нации, что, в свою очередь, предоставляет новые шансы для международного мира и развития.*

На научной конференции «Международная обстановка в 2024 г. и китайская дипломатия» Ван И отметил, что **Пекин в своих взаимоотношениях с миром достиг трех ключевых «консенсусов» (дословно важного динамического прогресса и перемен 重要的趋势性进展和变化):** во-первых, основные концептуальные инициативы, выдвинутые председателем Си Цзиньпином, все чаще приветствуются и поддерживаются международным сообществом; во-вторых, решение различных глобальных проблем, «горячих точек» и сложных вопросов не обходится без прямого участия Пекина и неотделимо от него; в-третьих, мировое значение модернизации по китайскому образцу становится все более очевидным, все больше стран понимает успешность пути развития КНР и соглашается с ним.

Таким образом, китайская дипломатия становится активнее, уходя от внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов. При этом она не все-сила: событий происходят по непредсказуемым сценариям (ситуация в Сирии в декабре 2024 г. и т. д.), встречая сопротивление в ходе сопряжения инициатив развития с другими государствами мира.

А.В. Волошина. В Вашингтоне 20 января с.г. состоялась инаугурация 47 президента США Д. Трампа. Кандидаты на ключевые должности постепенно занимают свои места в новой администрации — костяк новой команды составляют китайские «ястребы», отстаивающие идею скорейшей стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и Украине, переноса стратегического внимания США на Китай как на главного соперника и активной поддержки Тайваня.

Приход республиканской команды в Белый дом ставит множество вызовов перед китайским руководством в деле управления тайваньским вопросом на ближайшие годы.

В период первого президентского срока (2017—2021 гг.) Д. Трамп пошел на нарушение многих табу, существовавших в американской политике по тайваньскому вопросу. При нем на небывалый с 1979 г. уровень вышли совокупная стоимость пакетов продаж (около 18,3 млрд долл.) и их качественное наполнение (большие системы конвенциональных вооружений с наступательным потенциалом, способные наносить удары по территории материкового Китая). Также произошла эскалация уровня контактов с островом — еще до вступления в должность президента, в декабре 2016 г., Д. Трамп принял телефонный звонок тогдашнего главы тайваньской администрации Цай Инвэнь. При нем же впервые с 1979 г. остров посетили чиновники с министерским портфелем и уровня заместителей министров. А 9 января 2021 г. тогдашний госсекретарь США М. Помпео признал все ограничения на контакты с Тайванем недействительными.

Не встречая сопротивления со стороны администрации Д. Трампа, Конгресс принимал и отправлял на подпись президенту значимые законопроекты, снимавшие ограничения на «официальные контакты» с Тайбэем, нацеленные на укрепление оборонного сотрудничества и помощь в расширении «международного пространства» Тайваня: закон «О поездках на Тайвань», закон «Об инициативе по поддержке Азии» (2018 г.) и закон «Об инициативе по международной защите и поддержке союзников Тайваня» (2019 г.).

Сегодня Д. Трамп в преддверии переговоров с Китаем по поводу торговли и тарифов старается занимать демонстративно прагматичную позицию по тайваньскому вопросу, избегая провокационных шагов и заявлений. Вразрез с инцидентом 2016 г., после выборов он не стал общаться напрямую с главой тайваньской администрации Лай Циндэ, а в декабрьском интервью NBC в отличие от Джо Байдена отказался конкретизировать, намерен ли Вашингтон защищать остров в случае нападения Китая. Также представители со стороны Тайваня не присутствовали на церемонии инаугурации Д. Трампа в ротонде Капитолия по причине «нехватки места».

Однако заявления Д. Трампа, многих чиновников его нынешней администрации и однопартийцев дают понять, что курс, направленный на активную поддержку острова, будет продолжен. Как подчеркнул республиканец Майкл Джонсон, спикер Палаты представителей Конгресса США, 5 декабря 2024 г. в телефонном разговоре с Лай Циндэ, «безопасность Тайваня — основа Индо-Тихоокеанской стратегии США». В рамках курса новой администрации по отношению к острову можно ожидать резкого наращивания продаж вооружений, что видится средством как повышения обороноспособности острова, так и решения проблемы дефицита торгового баланса США (Тайвань занимает 6 место среди внешнеторговых партнеров США, с которыми у Вашингтона имеется наибольший торговый дефицит по состоянию на 2024 г.). Потенциальным источником напряженности в китайско-американских отношениях могут стать возврат администрации Д. Трампа к практике высокопоставленных двусторонних визитов с островом, а также какие бы то ни было изменения в официальных формули-

ровках США по тайваньскому вопросу (среди членов его команды есть призывы, в частности, отказаться от формулировки о «неподдержке независимости Тайваня»). Далеко не очевидно, какую позицию займет эта администрация в отношении принимаемых Конгрессом законопроектов, если в них будут содержаться какие-либо провокационные для Пекина формулировки относительно Тайваня.

Таким образом, в следующие четыре года Пекин столкнется с большими рисками и неопределенностью в развитии ситуации в зоне Тайваньского пролива, усугубляемой тем, что у власти на острове сейчас также находится менее «предсказуемый» политик от ДПП Лай Циндэ. В качестве более вероятного варианта развития событий на период до конца 2028 г. автор видит продолжение Пекином попыток стабилизации отношений с США при отстаивании своих интересов по тайваньскому вопросу, политики «кнута и пряника», сочетающей меры военного, дипломатического, экономического давления на власти ДПП при активизации диалога КПК с тайваньской оппозицией. При этом, если противоречия в Тайваньском проливе продолжают эскалировать, Пекин может расширить арсенал давления на остров с помощью деятельности в «серой зоне» такой интенсивности, которая не дала бы достаточного стимула странам Запада для принятия скоординированного жесткого ответа. Возможными вариантами могут стать рутинизация и проведение возле Тайваня затяжных масштабных военных учений, активизация деятельности морской полиции в Тайваньском проливе и вокруг острова для получения большего контроля над этими водами.

И.С. Виноградов. Территориальный спор в ЮКМ остается крайне острой проблемой в современных международных отношениях, став вызовом региональному порядку, основанному на Конвенции ООН по морскому праву.

Геостратегическое значение ЮКМ крайне велико — это кратчайший путь из Индийского океана в Тихий, важнейшая артерия мировой экономики, на которую приходится более трети мировой торговли. Отсюда вытекают риски в случае блокирования узких мест в ЮКМ, прежде всего Малаккского пролива. Данная проблема всегда остро воспринималась в КНР, так как позволяет экономически «придушить» Китай в случае прямого военного столкновения. С военной точки зрения, контроль над судоходством в ЮКМ позволяет сковывать переброску военных кораблей противника между Индийским и Тихим океанами. Отсюда вытекает стратегическая необходимость великих держав контролировать режим судоходства в ЮКМ.

Предметами споров в ЮКМ являются суверенитет над островами архипелага Спратли (Наньша), на который претендуют КНР, Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Тайвань; риф Скарборо — оспаривают КНР и Филиппины; Парасельские острова (Сиша) — объект спора между КНР, Тайванем и Вьетнамом. Сопутствующим предметом споров является проблема наложения и разграничения исключительных экономических зон (ИЭЗ) и континентального шельфа.

Китайские претензии на воды ЮКМ самые большие, которые КНР обозначает в виде U-образной линии, включающей примерно 80 % акватории ЮКМ.

Неопределенный статус принадлежности островов после Второй мировой войны привел к тому, что прибрежные государства стали заниматься samozaxvatom островов, заявляя о своих исторических правах.

В итоге на сегодняшний день Вьетнам занимает наибольшее количество островов и рифов на Спратли — 29 объектов; Филиппины контролируют 9; Китай — 7, Малайзия — 5 и Тайвань — 1. КНР также контролирует все острова Сиша и отмель Скарборо.

Вплоть до 2010-х гг. территориальный спор носил региональный характер и стороны пытались найти пути к компромиссу.

В 2002 г. был принят промежуточный документ — Декларация о поведении сторон в ЮКМ. Она провозгласила ряд мер доверия и обязала стороны решать свои споры исключительно мирным путем, не прибегая к силе или угрозам ее применения. В настоящее время КНР и АСЕАН продолжают непростую работу над Кодексом поведения сторон в ЮКМ, хотя в силу антиномичности интересов они сосредоточились не на разрешении самого спора как такового, а на выработке мер по недопущению конфликтной ситуации в спорных районах.

Новая эскалация напряженности началась в 2010-х гг. В это время США активизировали политику «возвращения в Азию», резко нарастив дипломатические контакты со странами АСЕАН и укрепив военное сотрудничество с главными оппонентами Пекина по территориальным спорам — Филиппинами и Вьетнамом, активизировали операции по свободе судоходства в ЮКМ.

Ответом на это стала резкая активизация военной деятельности КНР в ЮКМ. В 2012 г. КНР осуществила захват отмели Скарборо в ИЭЗ Филиппин, что позволило Пекину еще больше расширить свое присутствие в восточной части ЮКМ.

С 2013 г. Китай проводит беспрецедентные мелиоративные работы по расширению территории контролируемых им островов в ЮКМ, в разы увеличив их естественную площадь.

Пекин так или иначе милитаризовал все контролируемые им 7 островов в архипелаге Спратли и значительную часть Парасельских островов. На островах создана необходимая военная инфраструктура, включая РЛС, зенитно-ракетные комплексы, вертолетные площадки, казармы, глубоководные порты, кроме того, построены три аэродрома на Спратли и два на Парасельских островах.

В это же время остров Хайнань становится ядром китайского военного присутствия в ЮКМ. Здесь расположена база ВМС Юйлинь, включающая в себя причалы и доки для авианосцев, подземную базу для подлодок. Весь военно-морской комплекс защищен противокорабельными и зенитными ракетными батареями и ВВС.

Таким образом, Пекин создал своего рода морской укрепрайон в ЮКМ. Все это достаточно трудно нейтрализовать и во время потенциального конфликта в ЮКМ или в Тайваньском проливе дает Китаю определенные преимущества, в том числе в превентивном ракетном ударе.

На современном этапе для отстаивания заявленного суверенитета в ЮКМ Пекин эффективно применяет тактику «серой зоны» — небоевого силового вы-

теснения нарушителей территориальных вод с помощью кораблей береговой охраны при поддержке народного морского ополчения.

Еще до недавнего времени ситуация развивалась вялотекущим образом с взаимными обвинениями при неуклонном росте военного присутствия КНР. Вьетнам и Филиппины также по примеру КНР в последние годы стали заниматься активным расширением и милитаризацией контролируемых островов, хотя и в значительно меньших масштабах, однако серьезных обострений не было.

Ключевым событием стал американский поворот Филиппин при новом президенте Фердинанде Маркосе-младшем с конца 2022 г. Филиппины сознательно перешли к курсу на провоцирование КНР в спорных водах, тем самым отстаивая свои территориальные претензии. Манила и Вашингтон значительно расширили договор о взаимной обороне 1951 г. Теперь обязательства по взаимной обороне будут распространяться при вооруженном нападении на любую страну «где-либо в ЮКМ», включая нападения на береговую охрану.

Филиппины стали активно привлекать новых партнеров (прежде всего Японию и Австралию) для поддержки их претензий в ЮКМ и совместного патрулирования спорных вод.

В целом Маркосу уже удалось сплотить неформальный союз для защиты прав на острова и акватории ЮКМ, при этом подвергая Филиппины военной угрозе в случае прямой конфронтации.

Конфронтационная политика руководства Филиппин вызывает крайне негативную реакцию КНР и может послужить опасным фактором войны в регионе. Пекин с 2023 г. гораздо жестче оказывает давление на филиппинские гарнизоны в ЮКМ, всячески препятствуя их снабжению. Таким образом, возникает ситуация, при которой гипотетический инцидент с береговой охраной Филиппин со смертельным случаем может рассматриваться как повод для вступления в силу договора о безопасности с США, что делает ситуацию в ЮКМ непредсказуемой и взрывоопасной.

Е.С. Бурова. АСЕАН представляет собой один из самых динамично развивающихся регионов мира с большим экономическим потенциалом. На долю АСЕАН приходится 3,2 % мирового валового внутреннего продукта, 11,4 % глобальной торговли и 8,5 % населения планеты, а среднегодовые темпы роста существенно превышают средние показатели по миру¹. Однако в настоящее время регион сталкивается с целым рядом проблем. Это и хрупкое восстановление, включая экономические и финансовые сложности, неустойчивость цепочек добавленной стоимости, традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности, воздействие изменений климата и стихийных бедствий.

В 2022—2023 гг. в экономической жизни стран ЮВА отмечено замедление темпов роста, что во многом вызвано резким снижением спроса на мировых рынках, экспорт сократился на 8 % по региону². Сокращение международных за-

¹ The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KH-TH-ID-SG-VN-MY> (дата обращения: 20.03.2025).

² ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (дата обращения: 20.03.2025).

казов вызвало снижение индексов деловой активности и промышленного производства. Индекс PMI в 2022—2023 гг. показал заметную волатильность и демонстрировал положительные показатели выше 50 п. лишь в Камбодже и на Филиппинах. Одновременно замедлился рост внутреннего спроса, что вызвано отложенным постковидным эффектом. Инфляция держится на умеренном уровне. На рынке труда региона Таиланд, Малайзия, Вьетнам демонстрируют снижение занятости, тогда как Камбоджа и Филиппины расширяют рабочие места ввиду роста деловой активности и промышленного производства.

Страны АСЕАН сталкиваются с вызовами, связанными с повышением эффективности и производительности своих экономик. В связи с этим внутрирегиональный раздел продукции, более свободное движения товаров и услуг, квалифицированной рабочей силы и капитала становятся важнейшим инструментом для достижения намеченных целей. Заметную роль в этом процессе играют цепочки добавленной стоимости (ЦДС), которые выступают в качестве стимулятора производственных и торговых связей в регионе. Активное участие в ЦДС и продвижение в более высокотехнологичные и наукоемкие производства по-прежнему является стратегической целью АСЕАН.

В регионе интеграционной инициативой владеет Китай, делая ставку на максимальное вовлечение региональных партнеров в ЦДС с участием китайских компаний и банков, повышение зависимости от китайского рынка и поставок, рост взаимной торговли, что способствует увеличению масштабов торговли в национальных валютах. Экономики стран региона сильно зависят от Китая в плане промежуточных ресурсов и прямых иностранных инвестиций, что заставляет их проявлять осторожность в отношении угрозы их отношениям с Пекином.

Усиливающаяся напряженность между США и КНР нарушает сложившуюся в регионе систему экономических связей, поскольку Вашингтон стремится исключить Пекин из определенных передовых технологий и создать цепочки поставок, которые не зависят от Китая.

Встраивание в международные ЦДС по-прежнему остается важным источником экономического роста и технологического развития, и его принципиально важно использовать России. Процесс реформатирования и укрепления ЦДС открывает возможность для России нарастить сотрудничество с АСЕАН в условиях обострения геополитической напряженности. Одним из элементов этих цепочек могут стать и российские предприятия в тех секторах, где российские товары конкурентоспособны или имеют мало аналогов.

Значимость сотрудничества России со странами АСЕАН только выросла после разворота российской экономики на Восток. Налицо возобладание позитивного тренда во взаимной торговле с этим регионом. В первом квартале 2024 г. наблюдался ее рост на 33 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года¹. Наши торговые отношения сейчас не сбалансированы и носят профицитный для России характер. Это лишний раз подчеркивает потенциал рынка ЮВА, который использован далеко не в полной мере. Его реализация в настоящий момент ограничена проблемами в логистике и взаиморасчетах.

¹ ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (дата обращения: 20.03.2025).

Однако анализ динамики и структуры товарных потоков показывает, что они в большей степени находятся в зависимости от мировой конъюнктуры и тенденций внутреннего развития, нежели санкционного давления. Как показывают исследования, экономические санкции значимы в краткосрочной перспективе, но неэффективны в долгосрочной перспективе, поскольку затронутая страна обычно адаптируется к новой ситуации, ищет возможные пути обхода санкций.

Ряд товарной номенклатуры расширился под воздействием возрастающего спроса и роста тех или иных отраслей вопреки логистическим и финансовым сложностям. Лишь отдельные отрасли, которые в большей степени вовлечены в участие в глобальных производственно-сбытовых цепочках, сильнее подвержены воздействию санкций.

С.И. Болонова. Таиланд выступает заметным игроком в Юго-Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе в целом, учитывая его договорный статус союзника США, вторую по величине экономику ЮВА и традиционную роль дипломатического балансира между интересами крупных держав в регионе. Таиланд как ключевой игрок АСЕАН оказывает решающее влияние на региональные события в ЮВА, а также выступает в роли центра современного сотрудничества в области безопасности, о чем свидетельствует проведение ряда совместных военных учений.

Как правило, внутренние детерминанты определяют внешнюю политику любой страны. В случае Таиланда эта тенденция особенно остра и заметна, потому что она в преимущественно буддийском королевстве с 70-миллионным населением и местоположением в естественном центре ЮВА традиционно устанавливала баланс между колониальными интересами внешних игроков и глобальными конфликтами.

Последние два десятилетия страна переживала волнения и потрясения: пять завершенных выборов, два военных переворота, ряд судебных процессов на фоне уличных протестов. Вследствие названной внутривнутриполитической нестабильности Таиланд остается неустроенным, несбалансированным и готовым вступить в очередной раунд конфронтации в обозримом политическом будущем.

Вследствие названных факторов внешняя политика Таиланда была вынуждена более склоняться к Китаю. Тем не менее когда США сбалансировали свои национальные интересы и демократические ценности, Таиланд своевременно «перекалибровался» и стал позиционировать себя ближе к западным демократиям, при этом не отталкивая КНР.

Три внутренних фактора политической жизни Таиланда: власть военных, монархия и бюрократия — в противостоянии с прогрессивными оппонентами из политических партий и гражданскими лицами, требующими демократии, определяют ближайшую перспективу. Если не будут проведены реформы традиционных институтов для удовлетворения народных демократических требований и ожиданий XXI в., Таиланд рискует скатиться к долгосрочной автократии и экономической стагнации.

Еще одним важным фактором является личность премьер-министра, поскольку она в значительной степени определяет внутреннюю политику Таиланда.

да. Что касается последних политических событий, то отстранение последнего премьер-министра Сеттху Тхависина расценивается как неудача, потому что пришлось перезапустить весь аппарат правительства и начатые дипломатические инициативы. Администрация нового премьер-министра, госпожи Пхетхонгтхан Чинават, в значительной степени обесценила год работы и прогресса под руководством Тхависина.

По оценкам экспертов, Чинават — человек в политике относительно новый и неопытный. Вместо того чтобы обратить внимание на реальные глобальные проблемы, премьер-министр делает акцент на использовании мягкой силы Таиланда. Здесь речь идет о брендинге Таиланда на международном уровне: распространение тайской еды, культурного наследия, проведение различных фестивалей. Это имеет задатки отличной кампании по распространению туризма, но не является заменой реальной внешней политики.

Тонкое балансирование Таиланда на геополитическом фоне между США и КНР следует рассматривать, учитывая и другие державы в регионе, такие как Япония и Австралия. Неверно определять внешнюю политику Таиланда в бинарных терминах между США и Китаем.

Часто внешнюю политику Таиланда характеризуют как адаптивную, «бамбуковую» дипломатию. Однако некоторые эксперты полагают, что по мере смены правительств с различными идеологиями: от военных до гражданских, от прогрессивных до консервативных, — так называемая гибкость превратилась в навязчивую идею фикс и явное оправдание откровенного оппортунизма. Приоритетность этой гибкости затмила любую видимую суть во внешней политике Таиланда.

Вследствие сказанного не удивительно, что тайская политика остается туманной и нестабильной. Военные и консервативные элиты по-прежнему находятся у власти, но вынуждены прибегать к конституционным механизмам и полагаться на внепарламентскую помощь: решения Конституционного Суда, избирательной комиссии, Национальной антикоррупционной комиссии. Коалиция, или треугольник «военные, монархия, бюрократия», которая по-прежнему правит бал, будет подвергаться все более растущему давлению со стороны электората, требующего политического представительства и развития страны в XXI в. Соответственно, стратегическая роль Таиланда в регионе будет во многом определяться его внутривнутриполитическими маневрами.

За последние три десятилетия внутривнутриполитической нестабильности Таиланд часто расценивали как лидера ЮВА, недостаточно реализующего свой потенциал. Дипломатическое влияние страны не было соизмеримо с ее размером или статусом одной из основательниц АСЕАН. С другой стороны, на фоне усиливающегося соперничества между глобальными державами стратегические игры Таиланда скорее всего будут продолжаться до тех пор, пока США продвигают свою «ценностную» повестку. Китай является постоянной переменной во внешнеполитической жизни Таиланда. Пекин гораздо эффективнее работает с авторитарными режимами, извлекая из них больше выгоды.

Таиланд, как и некоторые соседи по региону, всегда будет искать свое автономное пространство, учитывая баланс сил великих держав. При этом королев-

ство обладает необходимым весом для оказания влияния на решение вопросов, вызывающих региональные озабоченности. Но это мало что значит без политической согласованности и стабильности.

Е.А. Козлова. В условиях глобальной конкуренции за влияние Китай активно использует инструменты мягкой силы для укрепления своих позиций в Центральной Азии (ЦА) после небольшого затишья в ходе пандемии. Традиционно символом китайской мягкой силы считаются Институты Конфуция (ИК), продвигающие язык и культуру страны. Тем не менее на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что инструменты КНР ограничиваются только ИК: в регионе активно развивается система академий «Хуавэй», открываются «мастерские Лу Баня», проникает и «стадионная дипломатия» КНР, реализуются совместные научные проекты, в том числе в сфере медицины. Отдельным направлением являются гуманитарные инициативы, реализуемые под эгидой проекта «Пояс и путь».

Несмотря на многообразие инициатив, китайская культурная дипломатия сталкивается с рядом сложностей. В первую очередь, это связано с отсутствием четкого идеологического посыла. Безусловно, за время пребывания у власти председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул ряд концептов (например, «сообщество единой судьбы» и др.), которые активно используются во внешней политике страны, однако остаются размытыми концепциями, что затрудняет их восприятие как альтернативы западным моделям.

Китайские медиа также активно продвигают нарративы о «братстве» и исторических связях с ЦА, но эти лозунги лишены конкретной идеологической основы. Кроме того, упоминания «вековой дружбы» игнорируют сложное прошлое, например геноцид джунгар в XVIII веке. В этом смысле сравнения с Россией (языковая близость) или Турцией (культурно-религиозные связи) лишь подчеркивают абстрактность китайского дискурса. При этом важно отметить, что китайские эксперты понимают опасность упора на исторические связи, поскольку наблюдают за формированием антироссийского дискурса о так называемой деколонизации и призывают с осторожностью использовать нарративы об общем историческом прошлом Китая со странами ЦА.

КНР позиционирует целевую аудиторию своей мягкой силы, в первую очередь, как элиты государств, на которые она направлена. Тем не менее остается без внимания такая важная социальная группа, как молодежь, готовящаяся занять место элит через 15—20 лет. На данный момент влияние политики КНР на молодых людей региона за редким исключением не выходит за рамки культурно-образовательных проектов, которые не реализовались на должном уровне. Важно при этом отметить, что регион ЦА по оценкам международных организаций занимает одно из самых высоких мест по уровню потенциала человеческого капитала.

Наконец, китайская мягкая сила гиперцентрализована: почти все проекты контролируются государством или связанными с ним структурами. Частные фонды (которых не так уж и мало), в отличие от американских или европейских, действуют преимущественно внутри КНР, что ограничивает их влияние за рубе-

жом. Это создает, в свою очередь, зависимость от политической конъюнктуры, а во-вторых, жесткая привязка к государственной повестке делает китайские инициативы уязвимыми для восприятия как инструмента давления, а не культурного обмена.

В заключение необходимо отметить, что если по последнему тезису о гиперцентрализации на данный момент ожидать изменений не представляется возможным (в частности, в программных заявлениях о переходе к дискурсивной силе, напротив, провозглашается дальнейшее укрепление роли государства), то в отношении других «слабых мест» в китайской политике есть основания предполагать своеобразную «работу над ошибками», на основании той, что была проделана руководством КНР после ряда неудач с внедрением классических инструментов мягкой силы. Как показывает нарастающая дипломатическая активность Пекина в регионе, Центральная Азия по-прежнему остается приоритетом, от которого КНР не собирается отказываться.

Е.С. Меньшикова. Африка южнее Сахары (АЮС) становится ключевым геополитическим пространством для реализации внешнеполитических стратегий западных и восточных государств. Модель международного сотрудничества с данным регионом трансформируется от равноправного экономического партнерства к модели «донор—реципиент». Страны Востока особенно активно развивают экономические отношения, включая расширение торговых потоков и реализацию инфраструктурных инициатив.

Китай как ключевой участник на африканском континенте демонстрирует высокую активность в АЮС, что оказывает существенное влияние на динамику экономического развития в этом регионе.

В рамках исследования проанализировано влияние Китая на страны Африки южнее Сахары с точки зрения «дискурсивной силы», обеспечивающей продвижение китайских стандартов в различных областях.

Пекин, сотрудничая с африканскими странами, использует общее историческое колониальное прошлое, а также заявляет об общности идей (например, «сообщество единой судьбы Китая и Африки») и о единстве «китайской и африканской мечты». При взаимодействии с АЮС Пекин делает акцент на общих исторических корнях, взаимозависимости развивающихся стран, а также на схожести идеологических нарративов.

Китайская внешнеполитическая стратегия в отношении этого региона основывается на принципах равенства, взаимовыгодного сотрудничества и на невмешательстве во внутренние дела суверенных государств.

Китай активно укрепляет свое присутствие в Африке, в том числе в рамках развития инфраструктурных проектов. КНР в АЮС не только имеет доступ к природным ресурсам, но и осуществляет через континент поставки своих товаров, гуманитарных грузов, (в том числе через продвижение китайской инициативы «Один пояс, один путь»). Если раньше Африка была «поставщиком ресурсов» в рамках сотрудничества с КНР, то теперь стала «потребителем высокотехнологичной продукции» с китайского рынка. Кроме того, Китай в АЮС реализует

«Цифровой Шелковый путь» с современными технологиями, «Зеленый Шелковый путь» в целях усиления экологической повестки.

Китай также активно предоставляет финансовую помощь в виде кредитов и займов странам АЮС. В условиях невозможности африканскими странами погасить задолженность Китай действует по схеме «ресурсы в обмен на развитие инфраструктуры», что позволяет ему укреплять позиции на континенте.

КНР развивает образовательные и научные учреждения, распространяет китайские технологии, например «Мастерские Лу Баня», которые направлены на подготовку квалифицированных специалистов. В настоящее время в Африке открыто 11 «Мастерских Лу Баня».

Кроме того, в рамках принятого Китаем и африканскими странами «Плана действий на 2025—2027 годы» Пекин будет развивать «Взаимное обучение цивилизаций», или обмен опытом в сфере управления. В частности, КНР планирует создавать центры по изучению Китая и Африки, приглашать на обучение африканских политиков. Также в планах — построить китайско-африканский центр сотрудничества в области цифровых технологий: на его базе Пекин собирается продвигать в Африке проекты по развитию цифровой инфраструктуры. Китай построит инженерные школы, создаст региональные центры цифрового образования в целях продвижения программы «Культурного Шелкового пути».

Наиболее актуальным в последнее время стало развитие цифровых технологий. Китай в АЮС продвигает «Цифровой шелковый путь», заявляет, что продолжит сотрудничество в цифровой сфере с африканскими странами и будет помогать им в построении «Цифровой Африки». Компании Huawei и ZTE разрабатывают телекоммуникационное оборудование, а также предоставляют услуги по созданию мобильных сетей связи и интернет-инфраструктуры в АЮС.

Таким образом, Китай реализует идеологический дискурс в отношении стран АЮС, в основе которого общность исторического колониального опыта и «китайская и африканская мечта». Инфраструктурные проекты в странах АЮС способствуют распространению китайских технологических и образовательных стандартов, что затрудняет внедрение альтернативных моделей развития в этом регионе. В этом ключе целесообразно обратить внимание на усиление российских механизмов, в том числе посредством «дискурсивной силы».

Китай в (де)глобализирующемся мире: вопросы экономики

Т.М. Мамахатов. С приходом к власти в Афганистане нового правительства движения «Талибан» (организация признана террористической и запрещена в России) становится актуальным расширение уже традиционного китайско-пакистанского сотрудничества и на эту страну. Китай на сегодня занимает наиболее выгодную позицию в отношениях с новым правительством Афганистана, тем самым имея наиболее благоприятные позиции по взаимодействию и сотрудничеству с талибами в регионе. Совсем недавно президент Пакистана Асиф Али Зардари совершил пятидневную поездку в Китай. Целью переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином и премьером Ли Цяном были торгово-экономические от-

ношения и развитие экономического коридора, идущего из Кашгара, северо-западного региона Китая, к Индийскому океану, и обеспечение безопасности¹. Маршрут также включает в себя ранее недоступные территории Афганистана.

Новая власть в стране делает возможным строительство «китайско-афганско-пакистанского экономического коридора» между Китаем, Афганистаном и Пакистаном. Даже старое афганское правительство всегда поддерживало и активно участвовало в создании китайской инициативы «Пояса и Пути». С тех пор как Китай и Афганистан подписали Меморандум о взаимопонимании ОПОП в 2016 г., поддержка и инвестиции Китая в значительной степени способствовали экономическому развитию и социальному строительству Афганистана. После прихода к власти талибов в 2021 г. они публично заявили о своей поддержке инициативы ОПОП и надежде присоединиться к строительству «китайско-пакистанского экономического коридора».

Если говорить о привлекательности проекта, то «Один пояс, один путь» должен обеспечить Афганистану развитие и процветание, включив эту страну в продолжение китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), важного элемента инициативы. Этот проект позволил бы построить и развить инфраструктуру страны, завершить такие проекты, как например «Амударья».

Контролирующее Афганистан движение «Талибан» договорилось с Китаем и Пакистаном о включении Кабула в китайскую инициативу «Один пояс, один путь», что позволит стране, находящейся под санкциями ООН и США, привлечь миллиардные инвестиции на финансирование инфраструктурных проектов².

Еще в мае 2023 г. правительства Китая и Пакистана договорились вместе работать над восстановлением Афганистана, в том числе при помощи включения страны в Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). Он включает в себя несколько инфраструктурных проектов, которые Пекин реализует в Пакистане, стоимостью в 60 млрд долл. Пакистанские власти называют КПЭК передовым проектом в рамках «Одного пояса, одного пути».

Во встрече в Исламбаде участвовал также глава МИД Афганистана Амир Хан Муттаки. Китайские и пакистанские чиновники уже ранее обсуждали расширение КПЭК и включение в проект Афганистана, и правительство талибов выразило готовность принять в нем участие.

КНР является одним из главных инвесторов в экономику страны. Пекин инвестировал в добычу полезных ископаемых в Афганистане еще в 2007 г., когда китайские компании Jiangxi Copper и концерн Metallurgical Corporation of China получили права на разработку медного месторождения Айнак, но несмотря на то, что Китай выиграл тендер по Айнаку, все последующие годы реализация проекта всячески тормозилась в связи с бюрократическими проволочками, возникающими со стороны тогдашнего правительства страны.

¹ Визит президента Пакистана в Китай. URL: https://www.ng.ru/courier/2025-02-09/12_9188_pakistan.html (дата обращения: 10.02.2025).

² Талибы договорились с Китаем о включении Кабула в «Один пояс, один путь». URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/05/2023/64575af79a794727385326031> (дата обращения: 15.05.2023).

Кроме того, в начале прошлого года талибы заключили контракт сроком на 25 лет с китайской компанией Xinjiang Central Asia Petroleum and Gas на добычу нефти в бассейне реки Амударьи. Предполагаются ежегодные инвестиции в размере 150 млн долл. в год, через три года сумма должна достигнуть 540 млн долл.¹

Инвестиции Китая в стране направляются в основном в добычу полезных ископаемых. Это комплексное взаимовыгодное сотрудничество и помощь развитию экономики страны. КНР крайне заинтересована в дальнейшем повышении уровня безопасности в стране и укрепления стабильности, чему способствует снижение бедности и безработицы, в том числе и через создание рабочих мест, что, в свою очередь, будет оказывать позитивное воздействие на инвестиционный климат и последующее развитие.

Китайцы активно развивают торговые и логистические отношения. Помимо добычи целого ряда редкоземельных металлов Китай заинтересован в проекте «Один пояс, один путь» и, в частности, уже есть действующий маршрут из КНР в Пакистан через Афганистан. Так, 10 февраля 2025 г. со станции Туаньцзесунь города Чунцин в город Хайратон Афганистана отправился грузовой поезд, что ознаменовало запуск первого прямого железнодорожного маршрута, соединяющего юго-запад Китая с Афганистаном².

Поезд, перевозящий 55 контейнеров с коммуникационным оборудованием, произведенным китайским телекоммуникационным гигантом ZTE, пересечет госграницу на КПП Хоргос в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и достигнет места назначения в Хайратоне через территории Казахстана и Узбекистана. Весь путь займет всего 2 недели.

А.Г. Зуева. Внешнеполитические связи Республики Корея (РК) и КНР с 2022 г. переживали период спада по ряду причин. С приходом к власти президента Юн Сок Еля Сеул сконцентрировал усилия на укреплении американо-южнокорейских отношений. Внешнеполитическая стратегия Южной Кореи и ее активное участие в военно-политических инициативах, возглавляемых Вашингтоном привели к тому, что антикитайские настроения росли в обществе на протяжении последних трех лет.

Действительно, данная тенденция имела место и до 2022 г., однако нарастающее соперничество между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе, проблемы в межкорейском диалоге повлияли на отношения Пекина и Сеула. Кроме этого, руководство РК ставило перед собой амбициозную задачу по сокращению экономической зависимости от Китая. Для Южной Кореи КНР являлся главным торговым партнером на протяжении более 12 лет.

¹ Первый посол: Китай признал дипломата от талибов главой дипмиссии Афганистана. URL: <https://iz.ru/1643558/kseniia-loginova/pervyi-posol-kitai-priznal-diplomata-ot-talibov-glavoi-dipmissii-afganistana> (дата обращения: 15.05.2024).

² Первый поезд из Китая в Афганистан. URL: <https://1hut.ru/economic/2025/02/iz-kitaia-v-afganistan-zapushhen-priamoi-gryzovoi-j-d-marshryt-cherez-kazahstan-i-uzbekistan/> (дата обращения: 10.02.2025).

С тех пор как Южная Корея и Китай установили дипломатические отношения в 1992 г., годовой объем торговли между двумя странами, согласно статистике Корейской торговой ассоциации, вырос с 6 млрд долл. до чуть более чем 300 млрд долл. в 2022 г.

Несмотря на попытки южнокорейского руководства сократить экономическую зависимость от Китая, КНР остается главным торговым партнером Республики Корея. По итогам 2024 г. стоимостный объем экспорта в Китай составил 133 млрд долл., увеличившись на 6,5 % по сравнению с объемами южнокорейского экспорта в 2023 г. Что касается импорта товаров из Китая, то он, как и годом ранее, превышает размеры экспорта и составляет 139,8 млрд долл.¹ Сложившийся дефицит торгового баланса в пользу КНР является в том числе результатом внешнеэкономической политики РК по наращиванию объемов экспорта в США, особенно товаров, попадающих в категории, связанные с американским законом по борьбе с инфляцией, таких как автомобили и аккумуляторы. В случае с Китаем большую часть торгового объема занимают полупроводники и микросхемы. Именно падением спроса на высокотехнологичную продукцию южнокорейские эксперты объясняли сокращение экспорта в Китай.

Кроме этого, значительно сократились объемы южнокорейских инвестиций в Китай, одновременно с этим продолжался их рост в экономику в США. В 2023 г. ПИИ Южной Кореи в Китай составили 1,9 млрд долл., в то время как ПИИ в США² выросли примерно на 180 % по сравнению с 2022 г. и составили 27,7 млрд долл.

Ситуация начала меняться в 2024 г., когда Сеул и Пекин несмотря на значительные расхождения во взглядах на безопасность в мире и в регионе активизировали двусторонние контакты. Наиболее благоприятной сферой для развития связей в настоящий момент представляется торговля, сотрудничество малых и средних предприятий (МСП) и туризм. Положительным событием на данном направлении стала отмена виз для граждан Южной Кореи при поездках в Китай до 31 декабря 2025 г. После введения этой меры туристическая отрасль КНР ожидает значительного роста турпотока из Республики Корея. Тем не менее, несмотря на оживление экономического сотрудничества, будущее двусторонних отношений Пекина и Сеула во многом зависит от южнокорейского внешнеполитического курса и позиции администрации Д. Трампа по Китаю и Корейскому полуострову.

Что касается торгово-экономических связей РК и КНР, то наиболее неблагоприятным сценарием для них станет введение новых торговых барьеров со стороны США. В настоящий момент Пекин и Сеул все еще заинтересованы в развитии экономического сотрудничества. После завершения политического кризиса в Республике Корея у китайско-южнокорейских связей появится шанс вернуться к активному двустороннему сотрудничеству на экономическом направлении.

¹ Trade statistic. URL: https://tradedata.go.kr/cts/index_eng.do# (дата обращения: 22.02.2025).

² Reality Check: South Korea and China Face More Complex Economic Dynamics. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/reality-check-south-korea-and-china-face-more-complex-economic-dynamics/> (дата обращения: 22.02.2025).

А.А. Ковалева. Холодная война с ее биполярной системой международных отношений, подразумевающей разделение сфер влияния между двумя государствами — СССР и США, и прокси-войнами, происходившими в разных частях мира с 1946 по 1991 гг., закончилась четверть века назад. Однако в СМИ и экспертной научной литературе все чаще говорят о повторении Холодной войны, одним из симптомов которой называют развязанную президентом США Д. Трампом в 2018 г. торговую войну. Актуальность сравнения, как и обсуждение вступления международных политических и экономических отношений в фазу Холодной войны, усилил факт повторного избрания Трампа на должность президента США в 2024 г. и его инаугурация в начале 2025 г.

Сравнение холодной и торговой войн, безусловно, не совсем корректно, поскольку первая подразумевает напряжение во всех сферах международных отношений, тогда как торговая война — симптом ухудшения в первую очередь экономических отношений двух стран, в данном случае США и КНР.

Д. Трампа часто сравнивают с Р. Рейганом, однако это сравнение довольно поверхностно и не выдерживает критики. В частности, нельзя ставить знак равенства между рейганомикой и трампономикой, в целом, экономическая политика двух президентов имеет мало общего. При этом торговая война — политический лозунг компании Д. Трампа, способный изменить всю систему внешней политики США. Р. Рейган, напротив, не развязывал Холодную войну, а лишь продолжил дело своих предшественников в международных отношениях.

Ухудшение экономических отношений КНР и США происходит в сложных условиях: Китай накопил достаточно большой американский долг. При этом США обвиняют Китай в несправедливой торговле, которая привела к дефициту торгового баланса между этими странами, что означает симбиоз двух государств, который еще называют Кимерикой.

На наш взгляд, мы можем говорить о триполярной или многополярной системе международных отношений. Использование экспертами метафоры Холодная война — признак продолжающегося напряжения между крупнейшими мировыми экономиками, что после прихода к власти Трампа означает охлаждение в отношениях КНР и США и потенциальный выход торговой войны за рамки исключительного экономического или торгового противостояния. В результате этого противостояния экономики США и КНР теряют позиции, а их торговые партнеры увеличивают свое влияние за счет перераспределения торговых потоков.

В.И. Жириков. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество выдержало заметные изменения после событий 2014 г., когда введение первого пакета западных санкций в марте и последующее выступление Президента РФ В.В. Путина в мае на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии в Шанхае обозначили новый этап в развитии двусторонних отношений.

1. Трансформация объемов и направлений китайских ПИИ в Россию после 2014 г.

Анализ динамики прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из Китая в Россию за период 2014—2023 гг. демонстрирует значительные изменения как в объе-

мах, так и в географической структуре инвестиционных потоков. Для понимания масштаба произошедших изменений рассмотрим динамику объемов китайских ПИИ в российскую экономику (табл. 1).

Таблица 1. Динамика притоков китайских ПИИ в Россию (2014—2023 гг.)

Год	Объем притока ПИИ (млн долл.)	Темп прироста (%)
2014	633,56	-38,0
2015	2960,86	367,3
2016	1293,07	-56,3
2017	1548,42	19,7
2018	725,24	-53,2
2019	-379,23	-152,3
2020	570,32	250,4
2021	-1072,3	-288,0
2022	146,45	113,7
2023	312,64	113,5

Источник: составлено автором по данным¹.

2. Секторальные сдвиги в структуре инвестиционного сотрудничества (анализ ключевых отраслей)

Таблица 2. Динамика отраслевой структуры накопленных китайских ПИИ в России по секторам экономики, 2014—2023 гг. (млн долл.)

Отрасль	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020*	2021*	2022*	2023*
Добыча полезных ископаемых	796,0	5587,6	6181,9	6591,5	6672,9	5434,6	5650,4	5820,6	6052,3	6215,3
Сельское, лесное хозяйство	2099,7	2462,9	3006,7	2701,7	3028,6	2831,7	2945,8	3052,4	3186,5	3256,4
Обрабатывающие производства	2747,8	3112,6	1156,6	1574,1	1759,6	1620,8	1685,6	1725,4	1798,2	1842,5
Недвижимость	566,4	371,4	371,6	403,5	393,1	312,7	325,2	338,2	352,7	368,4
Лизинг и коммерческие услуги	979,1	1315,3	1116,4	924,0	898,6	871,6	906,5	942,7	980,4	1019,6
Строительство	274,9	313,0	238,2	297,7	297,8	234,0	243,4	253,1	263,2	273,7
Оптово-розничная торговля	374,8	423,3	405,9	483,7	429,0	367,4	382,1	397,4	413,3	429,8
Финансовая деятельность	762,4	231,0	314,3	495,1	411,8	585,8	645,2	725,6	828,4	892,3

¹ Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / К.В. Бабаев, А.В. Корунов, И.Е. Денисов и др.; Российский совет по международным делам (РСМД); Институт Китая и современной Азии РАН; Институт международных исследований Фуданьского университета. М.: НП РСМД, 2023. 204 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).

Окончание табл. 2

Отрасль	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020*	2021*	2022*	2023*
Энергетика (производство и распределение)	36,5	107,8	64,6	28,0	16,8	22,5	23,4	24,3	25,3	26,3
Логистические услуги	23,1	25,6	32,0	79,1	80,3	67,9	70,6	73,4	76,3	79,4
Научные исследования и технологии	9,7	36,5	51,6	151,5	142,6	358,9	412,3	456,8	492,4	527,6
Информационные технологии	15,9	18,1	18,3	111,4	54,1	82,0	85,3	88,7	92,2	95,9

Источник: составлено автором по данным¹.

Результаты

Трансформация отраслевой структуры китайских прямых инвестиций в российскую экономику, наблюдаемая в период после 2014 г., была обусловлена, прежде всего, ухудшением геополитических отношений Российской Федерации с западными странами, сопровождавшимся введением антироссийских санкций. Это повлияло на желание Москвы укрепить экономическое сотрудничество с Пекином, особенно в стратегически значимых секторах, таких как энергетика и военно-промышленный комплекс. В свою очередь, рост китайской экономики стимулировал увеличение спроса КНР на импорт энергоресурсов и сырья из России. Например, в период с 2014 по 2022 гг. объем российского экспорта нефти в Китай увеличился в 6,7 раза, достигнув 86,2 млн т по сравнению с 12,8 млн т в 2014 г.

Кроме того, Пекин стремился минимизировать политические риски, связанные с инвестированием в российскую экономику, путем установления прочных связей с влиятельными представителями российского бизнеса. В качестве примера можно привести компании «Новатэк» и «СИБУР», на которые пришлось 33 % всех китайских ПИИ в Россию в период с 2011 по 2024 гг., что составило 8,7 млрд долл.

Однако несмотря на активизацию сотрудничества в сырьевых отраслях и готовность Китая, ПИИ в высокотехнологичные секторы российской экономики оставались ограниченными. Это объяснялось высокой уязвимостью этих отраслей к западным санкциям, ограниченным доступом к передовым технологиям и институциональными барьерами в РФ. В результате доля обрабатывающей промышленности в структуре китайских ПИИ сократилась с 30 % в 2014 г. до 12,2 % по состоянию на IV квартал 2024 г.

Таким образом, наблюдаемая трансформация отражает как изменения в геополитической конъюнктуре, так и структурные особенности экономического взаимодействия между двумя странами.

¹ Сенюк Н.Ю. Влияние глобализации и внешнеполитического фактора на прямые иностранные инвестиции КНР / Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Strategic research, 2023. С. 305—317.

Дун Чжэнья. В докладе рассматриваются три ключевых блока: сотрудничество Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс, один путь»; существующие проблемы сопряжения и перспективы кооперации.

1. Сотрудничество ЕАЭС и ОПОП

Сопряжение Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Один пояс, один путь» — процесс постепенного углубления и расширения, охватывающий несколько этапов: от первоначальных контактов до реализации конкретных проектов.

Предварительные контакты и формирование консенсуса. В мае 2015 г. РФ и КНР подписали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, что ознаменовало официальное установление отношений сотрудничества между двумя сторонами.

Создание механизма сотрудничества. В 2018 г. Китай и страны — члены ЕАЭС совместно подписали Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое обеспечивает институциональные гарантии двустороннего сотрудничества.

Переход к этапу осуществления. В феврале 2023 г. ЕАЭС и КНР подписали дорожную карту, направленную на укрепление торгово-экономического сотрудничества.

Стратегическое сотрудничество достигло значительных результатов в таких областях, как транспорт, энергетика, инфраструктурное строительство, оно не только способствует региональному экономическому развитию, но и вносит позитивный вклад в безопасность и процветание Евразии.

2. Проблемы, стоящие перед ЕАЭС и ОПОП

Существующие проблемы сопряжения можно отнести к трем группам: трудности, возникающие внутри Евразийского экономического союза; вмешательство стран Запада, в том числе США, и возникающее недопонимание со стороны экспертного сообщества РФ и КНР.

Развитие ЕАЭС сдерживается тремя факторами: экономическими диспропорциями, однородностью промышленности, инфраструктурными трудностями.

Возглавляемые США западные страны вмешиваются в экономическое сотрудничество в области сопряжения ЕАЭС и ОПОП, продвигая во всем мире процессы декитаизации и дерусификации. Так, 9 января 2025 г. правительство Армении поддержало законодательную инициативу прозападных сил, официально запустив процесс вступления в ЕС.

Согласно китайскому взгляду, в России сохраняются опасения в отношении ОПОП. Хотя высшее руководство РФ высоко оценивает китайскую инициативу, среди российской элиты, в том числе в академических кругах до сих пор существуют глубоко укоренившиеся сомнения. Аналогичная проблема существует и в Китае: как среди элиты, так и в экспертном сообществе.

3. Перспективы сотрудничества ЕАЭС и ОПОП

Укрепление сотрудничества Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь» может начинаться с политических, экономических и культурных аспектов. В частности, создание механизмов многосторонней коо-

перации путем укрепления политического взаимодоверия; углубление экономического сотрудничества, особенно в области инфраструктуры, торговли и инвестиций; повышение гуманитарных обменов и кооперации в области культуры, образования и туризма.

Ван Ичунь. «Низкая высота» — экономическая система, которая формируется в пространстве на высоте от 1000 до 3000 м вокруг различных видов пилотируемых и беспилотных самолетов, а также связанных с ними услуг и технологий. В последние годы рост китайской экономики обусловлен бурным развитием технологий, таких как беспилотники, eVTOL (электрический самолет с вертикальным взлетом и посадкой), городское воздушное сообщение и т. д. Применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) широко распространено: они являются важным направлением технологических инноваций, ведущим пунктом роста будущих городов и новым стимулом экономического развития.

Рис. 1. Базовая промышленная структура «низкой экономики»

К «низковисотной» экономике относятся производство сырья и основных компонентов, а также продукты и системы для низких высот. Первая группа (производство сырья и т. д.) включает в себя материалы и компоненты (микросхемы, аккумуляторы и пр.) от стадии исследований и разработок до производства различных видов промышленного программного обеспечения, стали, алюминиевых сплавов и т. д.

Вторая группа представлена БПЛА, eVTOL, другими «низковисотными» (или маловысотными) аппаратами, а также системами взлета и посадки, обнаружения и управления. В частности, беспилотники широко используются в туризме, логистике, сельском хозяйстве и других направлениях. При этом использование БПЛА повышает производственную эффективность, в том числе за счет избегания последними дорожных заторов (см. рис. 1).

КНР проводит политику, направленную на поддержку развития «низковьсотной» экономики. В Китае зарегистрировано около 20 000 компаний, занимающихся производством БПЛА. По прогнозам Министерства финансов КНР, объем китайского рынка низковьсотных летательных аппаратов в 2025 г. достигнет 800 млрд долл. Развитие цифровой экономики также способствовало применению и развитию беспилотников.

Вместе с тем на пути развития экономики «низковьсотных полетов» стоит еще много проблем. Во-первых, правительство оказывает давление на регулирование в области безопасности, без строгого управления беспилотники могут легко стать причиной ДТП и других несчастных случаев. Во-вторых, в Китае в настоящее время недостаточно развита инфраструктура: площадки, пункты взлета и посадки, средства связи и навигации, необходимые для полетов БПЛА. Технологическая «низковьсотной» экономики еще недостаточно развита, а существующие технологии не удовлетворяют все рынки спроса.

Библиографический список

Аватков В.А. Уйгурский фактор в политическом взаимодействии Турции и Китая // В.А. Аватков, Е.С. Меньшикова // Свободная мысль. 2023. № 5(1701). С. 114.

Бурова Е.С. Новый мировой порядок: взгляд из Сингапура // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 1. С. 108—115. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-1-108-115.

Бурова Е.С. Оценка двусторонней торговли РФ-АСЕАН под влиянием санкций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Том 5. № 4 (61). С. 59—70. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-059-070.

Виноградов И.С. Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 26—35.

Волошина А.В. Анализ различий в политике в отношении Тайваня республиканской и демократической администраций США в период с 2017 года // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 12.

Волошина А.В. Выборы на Тайване 2024 года: последствия для региональной стабильности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 11. С. 47—57.

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологиемы внешней политики КНР. Москва: МГИМО МИД России, 2022. 24 с.

Зуева А.Г. Современные вызовы экономического сотрудничества РК и США // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 96—105. DOI: 10.31857/S013128120024220-3.

Кулаева О.В., Козлова Е.А. Развитие рынков труда в государствах Центрально-Азиатского региона: вызовы и возможности // Евразийские исследования. 2024. № 2(2). С. 75—88.

Мамахатов Т.М. Текущее состояние сотрудничества КНР с Афганистаном и его значение для ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29. № 29. С. 232—240.

Меньшикова Е.С. «Сообщество единой судьбы человечества» во внешней политике КНР // Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности / Сборник статей в 2 Т. / под общ. ред. Т.В. Кашириной, С.А. Агуреева. Состав редколлегии: В.А. Аватков, И.О. Анисимов, А.Е. Базыкин, Е.Е. Гуляева, М.А. Лебедева, А.С. Сафонов, А.Г. Суязова, К.А. Феофанов, П.Ю. Цветов, Р.Н. Шангараев. Том I. М.: Российское общество политологов, 2021. С. 500.

Мокрецкий А.Ч. Китайская внешняя политика и дипломатия в период пандемии // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022: Сборник статей работы международной научной конференции молодых востоковедов, Москва, 25—26 ноября 2021 года. Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. С. 23—31. DOI: 10.48647/ISSA.2022.26.44.027.

Перминова А.А. КНР и государства Центральной Азии / А.А. Перминова, Е.А. Козлова / Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2023. Москва: Институт Китая и современной Азии РАН, 2024. С. 338—346.

Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / К.В. Бабаев, А.В. Кортуннов, И.Е. Денисов и др.; Российский совет по международным делам (РСМД); Институт Китая и современной Азии РАН; Институт международных исследований Фуданьского университета. М.: НП РСМД, 2023. 204 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

Сенюк Н.Ю. Влияние глобализации и внешнеполитического фактора на прямые иностранные инвестиции КНР // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М.: Strategic research, 2023. С. 305—317.

王飞 [Ван Фэй]. 竞争, 颠覆与重构: 西方在中亚“去俄殖民化”的记忆政治 [Конкуренция, подрыв и реконструкция: политика памяти Запада о «деколонизации» России в Центральной Азии]. 新疆大学学报 (哲学社会科学版) [Журнал Синьцзянского университета (философия и общественные науки)]. 2024. Т. 52. № 6. С. 58—67. DOI: 10.13568/j.cnki.issn1000-2820.2024.06.008. (На Кит.).

Li Kui Wai. Would the “May—Trump” Alliance Like the “Fletcher—Reagan” Alliance in Pursuit of Supply-Side Economics? Comment on Global Economic Development, *E-axes*, February 19, 2017.

Mamakhatov T.M., Mallah Ja.M. The Role of the Sco Countries in Ensuring China’s Energy Security. *RUDN Journal of Economics*. 2021. Vol. 29. No. 4. Pp. 653—663.

Morgan Iwan. Make America Great Again: Ronald Reagan and Donald Trump: From Campaign Trail to World Stage. In: *The Trump Presidency*, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-96325-9_4.

Reality Check: South Korea and China Face More Complex Economic Dynamics // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/reality-check-south-korea-and-china-face-more-complex-economic-dynamics/> (дата обращения: 22.02.2025).

The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 22.02.2025).

Whan-Woo Yi. Rough road ahead for Korea's travel balance over China's visa-free policy // *The Korea Times*. November 9, 2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2024/11/602_385839.html (дата обращения: 02.02.2025).

Youvan Douglas. Trump in the Shadow of Reagan: A 1981 Perspective on the Future President, 2025. 10.13140/RG.2.2.10448.21763.

References

Avatkov V.A. Uyghurskiy faktor v politicheskom vzaimodeystvii Turcii i Kitaya [The Uighur factor in the political interaction between Turkey and China]. V. A. Avatkov, E. S. Men'shikova. *Svobodnaya mysl'* [Independent thought], 2023, no. 5(1701), p. 114. (In Russ.).

Burova E.S. Novyi mirovoy poryadok: vzglyad iz Singapura [The New World Order: a view from Singapore]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2024, no. 1, pp. 108—115. (In Russ.) DOI: 10.24412/2686-7702-2024-1-108-115

Burova E.S. Ocenka dvustoronney trgovli RFASEAN pod vliyaniem sankciy [Assessment of bilateral trade of the Russian Federation and ASEAN under the influence of sanctions]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [Southeast Asia: current development issues], 2023, vol. 5, no. 4 (61), pp. 59—70. (In Russ.). DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-059-070

Denisov I.E., Zuenko I.Yu. Ot myagkoy sily k diskursivnoy sile: novye ideologemy vneshney politiki KNR [From soft power to discursive power: new ideologies of China's Foreign Policy]. Moscow: MGIMO MID Rossii, 2022. 24 p. (In Russ.).

Kulaeva O.V., Kozlova E.A. Razvitie rynkov truda v gosudarstvakh Central'no-Aziatskogo regiona: vyzovy i vozmozhnosti [Development of labor markets in the Central Asian region: challenges and opportunities]. *Evroziyskie issledovaniya* [Eurasian Research], 2024, no. 2 (2), pp. 75–88. (In Russ.).

Li Kui Wai. Would the “May–Trump” Alliance Like the “Fletcher–Reagan” Alliance in Pursuit of Supply-Side Economics? Comment on Global Economic Development, E-axes, February 19, 2017.

Mamakhatov T.M., Mallah Ja.M. The role of the SCO countries in ensuring China's energy security. *RUDN Journal of Economics*, 2021, vol. 29, no. 4, pp. 653–663. (In Russ.).

Mamahatov T.M. Tekushchee sostoyanie sotrudnichestva KNR s Afganistanom i ego znachenie dlya SHOS [The current state of China's cooperation with Afghanistan and its significance for the SCO]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2024, vol. 29, no. 29, pp. 232–240. (In Russ.).

Men'shikova E.S. “Sobshchestvo edinoj sud'by chelovechestva” vo vneshnej politike KNR [“The Community of the common destiny of mankind” in the Foreign policy of the People's Republic of China]. Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenij, mezhdunarodnogo prava i bezopasnosti [Actual problems of international relations, international law and security]. *Sbornik statej* [Collection of articles]. In 2 vol., general edition by Kashirinoj T.V., Agureeva S.A., editorial board: Avatkov V.A., Anisimov I.O., Bazykin A.E., Gulyaeva E.E., Lebedeva M.A., Safonov A.S., Suyazova A.G., Feofanov K.A., Cvetov P.Yu., Shangaraev R.N., vol. I. Moscow, Rossijskoe obshchestvo politologov, 2021. P. 500. (In Russ.).

Mokretskii A.CH. Kitajskaya vneshnyaya politika i diplomatiya v period pandemii [Chinese foreign policy and diplomacy during the pandemic]. *Vostochnaya Aziya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [East Asia: Past, Present, Future], 2022. Collection of articles of the International scientific conference of Young Orientalists, Moscow, November 25–26, 2021. Moscow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 23–31. (In Russ.). DOI 10.48647/ICCA.2022.26.44.027. EDN DJOEPY.

Morgan Iwan. Make America Great Again: Ronald Reagan and Donald Trump: From Campaign Trail to World Stage, 2019. 10.1007/978-3-319-96325-9_4.

Perminova A.A. KNR i gosudarstva Central'noj Azii [China and the Central Asian States], A. A. Perminova, E. A. Kozlova. *Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura* [The People's Republic of China: politics, economy, culture]. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 338–346. (In Russ.). EDN RYYOZI.

Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2023: doklad No. 87 [Russian-Chinese Dialogue: Model 2023: Report No. 87]. K.V. Babaev, A.V. Kortunov, I.E. Denisov et al.; Russian Council on International Affairs (RIAC); Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences; Institute of International Studies of Fudan University. Moscow: NP RIAC, 2023. 204 p. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf> (accessed: 03.03.2025).

Reality Check: South Korea and China Face More Complex Economic Dynamics. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2024/06/reality-check-south-korea-and-china-face-more-complex-economic-dynamics/> (accessed: 22.02.2025).

Senyuk N.Yu. Vliyanie globalizacii i vneshnepoliticheskogo faktora na pryamyje inostrannye investicii KNR [The impact of globalization and the foreign policy factor on China's foreign direct investment]. *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: ocenki, diskussii, prognozy* [The development model of modern China: assessments, discussions, forecasts]. Moscow: Strategic research, 2023, pp. 305–317. (In Russ.).

The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 22.02.2025).

Vinogradov I.S. Otnosheniya M'yanmy i Kitaya. Strategicheskie interesy i instrumenty vliyaniya Pekina [Relations between Myanmar and China. Beijing's strategic interests and instruments of influence]. *Aziya i Afrika Segodnya* [Asia and Africa Today], 2023, no. 5, pp. 26—35. (In Russ.).

Voloshina A.V. Analiz razlichij v politike v otnoshenii Tajvanya respublikanskoj i demokraticeskoj administracij SShA v period s 2017 goda [Analysis of differences in policy towards Taiwan between the Republican and Democratic administrations of the United States since 2017]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st century], 2024, no. 12. (In Russ.).

Voloshina A.V. Vyborny na Tajvane 2024 goda: posledstviya dlya regional'noj stabil'nosti [Taiwan's 2024 elections: Implications for regional stability]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics, culture], 2024, no. 11, pp. 47—57. (In Russ.).

王飞. 竞争、颠覆与重构：西方在中亚“去俄殖民化”的记忆政治 [Wang Fei. Competition, Disruption, and Reconstruction: The Politics of Western Memory of Russia's “Decolonization” in Central Asia]. *新疆大学学报(哲学社会科学版)* [Journal of Xinjiang University (Philosophy and Social Sciences)], 2024, no. 52, no 6, pp. 58—67. (In Chinese). DOI: 10.13568/j.cnki.issn1000-2820.2024.06.008

Whan-Woo Yi. Rough road ahead for Korea's travel balance over China's visa-free policy. *The Korea Times*. November 09, 2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2024/11/602_385839.html (accessed: 02.02.2025).

Youvan Douglas. Trump in the Shadow of Reagan: A 1981 Perspective on the Future President, 2025. 10.13140/RG.2.2.10448.21763.

Zueva A.G. Sovremennye vyzovy ekonomicheskogo sotrudnichestva RK i SShA [Modern challenges of economic cooperation between Republic of Korea and the USA]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2023, no. 1, pp. 96—105. (In Russ.). DOI 10.31857/S013128120024220-3. EDN CPSPGX.

Поступила в редакцию: 26.02.2025
Принята к публикации: 26.03.2025

Received: Feb 26, 2025
Accepted: Mar 26, 2025